никаких доказательств чешского его происхождения и считает, что «Василий Златовласый» написан, по всей видимости, в России.

И действительно, в сюжете и вообще содержании повести ничего специально чешского, кроме упоминания Праги и «Чешской земли», не содержится (три варианта имени отца героя — Мечислав, Мстислав и Станислав — специфически чешскими признаны быть не могут). «Знание сношений Чехии с Францией», о котором писал И. А. Шляпкин, на деле оказывается совершенным незнанием их. Так, французский король в повести заявляет, что «чешские короли всегда бывают в поддании франчюжских королей и аз бы де и злодей был дщери своей и за подданного бы своего не дал». Мы не находим в повести никаких исторически достоверных сведений о Чехии, за исключением упоминания о том, что Чехия входила в состав империи Габсбургов («немецких режий»). Наоборот, королевич Василий Златовласый покидает и возвращается в континентальную Чехию на корабле (в «Брунцвике» отыскание корабля предваряется длительным путешествием).

Что касается языка повести, то бесспорных богемизмов здесь нет. Слово «режи», возводимое Н. К. Гудзием к чешскому «říše» (империя), с тем же успехом можно соотносить с польским «rzesza». Более того, выражение «немецкие режи», как показал А. В. Флоровский, является калькой с польского «rzesza niemiecka» и встречается довольно часто в русской письменности XVI—XVII столетий (ср. в одной из грамот 1653 г.: «за море в немецкие реши или в иные государства»).[19] Также и другие лексические и морфологические особенности текста «Василия Златовласого» могут расцениваться и как богемизмы, и как полонизмы. Сюда относятся: постоянное употребление звательных форм: гостю, королю, госпоже, государыни; «час» в значении «время»: «почто ты такие часы медлила?» и др.

Не пытаясь решать здесь вопроса о происхождении повести о Василии Златовласом — это тем затруднительнее, что ни в польской, ни в чешской литературе подобный памятник неизвестен, — укажем лишь на некоторые лексические особенности текста, которые можно считать полонизмами. К ним принадлежат «услугование» (польск. usługowanie), «держальцы» в предложении «...и чествова подданных своих держальцов в великой чести име» (польск. dzierżawca — правитель; у И. И. Срезневского указано в том же значении слово «дьржавьць — державьць», но из западнорусского источника[20]), «кролевич».

Как видим, мы не располагаем сколько-нибудь достаточным материалом, который позволил бы включать повесть о Василии Златовласом в перечень памятников, относящихся к чешско-русским литературным связям XVII в.

Как известно, единственным достоверным фактом прямого перехода чешского произведения в литературу Московского государства в XVII в. является повесть о королевиче Брунцвике. Еще А. Н. Пыпин, которому принадлежит первый научный разбор повести, предположил, что перевод был сделан непосредственно с чешского оригинала, поскольку следы последнего заметны в русском тексте.[21] Эти чешские «остатки» привел в предисловии к своему изданию «Брунцвика» М. Петровский,[22] затем их дополнил

---

[19] A. Florovskij. Ein angeblicher Bohemismus..., стр. 105.

[20] Срезневский, Материалы, т. I, стр. 774.

[21] А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 227.

[22] М Петровский. История о славном короле Брунцвике. — ПДП, XXXI. СПб., 1888.